

ВВЕДЕНИЕ В ВЕЧНОСТЬ, или инженеры Вселенной

(Отрывок из книги)

А.Голышко, к.т.н., радиоинженер

DOI: 10.22184/2070-8963.2022.104.4.72.78

В № 6 за 2021 год нашего журнала был напечатан отрывок из неопубликованной книги, автором которой является известный в отраслевом сообществе московский телекоммуникационный аналитик Александр Голышко. Публикация получила положительные отклики читателей и редакция решила предложить на суд публики еще один отрывок из той же книги.

*Рукописи не только не горят,
но и их сюжеты продолжают жить*

ПРЕОБРАЗОВАТЬ МИР

– Преобразовать мир, Вселенную можно лишь познав и полюбив ее со всеми, так сказать, изгибами, трещинками и оппонентами, сумев убедить их в своей правоте без угроз, расстрелов и виселиц, – Антон открыл невидимую дверь в стене и вышел в свой офис вместе с инженерами.

– Да, кстати, чуть не забыл – давеча я продемонстрировал вам ауру нашего пациента, и на начало апреля 1917-го она, помнится, не показывала никаких особых проблем со здоровьем. Уже через год в него будут стрелять, потом болезнь, немощь, и через каких-то шесть лет в этом воплощении все завершится. Видимо, неспроста... Но ведь и с переходом за реку Стикс эта история не закончилась. Там он продолжит писать статьи, будет обосновывать необходимость восстания в мире мертвых, попытается организовать революцию молодых душ против совсем зрелых и даже поиск другого бога.

Это было уже слишком даже для пришельцев.

– Откуда вам... – начал было Добродеев, но сам испугался своих мыслей и осекся.

– И что было дальше?

– Отец наш небесный сильно смеялся. Неугомонная душа. Знать, еще долгий путь ей предстоит.

– Как же найти правильный путь? – Надежда Константиновна всем телом поддалась вперед, будто сей же час собираясь на баррикады.

– Вот уж чего не посоветовал бы, так это стать революционером или хотя бы подвернуться этой кровавой братии под руку.

– Но почему? Ведь революция – это всегда рождение нового мира. Во всяком случае, нас так учили.

– Любое рождение всегда происходит в муках. Что же касается революции, то, как правило, в огне сгорают не только начавшие ее революционеры, но и масса совершенно не имеющих к ней отношения субъектов, – назидательно сказал Антон и, увидев недоверчивый взгляд Надежды Константиновны, участливо спросил:

– Вы мне не верите? Имеете право... Но и я имею право немного вас разубедить. Надеюсь, вы читали Виктора Гюго и других достойных мастеров пера про французскую революцию, по досадному недоразумению и недомыслию именуемую "великой"?

– Читала, конечно, но ведь там было и много хорошего. Свобода, равенство, братство!

– А, быть может, бескрайний цинизм и звериный эгоизм в стремлении показать себя самым

революционным революционером в растаптывании этой самой свободы, равенства и, до кучи, братства? – внимательно, вглядываясь в каждую складочку ее лица, медленно произнес Антон и достал из воздуха очередную книгу.

– Тогда вперед!

Вокруг встала стена огня.

И тут на Надежду Константиновну обрушилась настоящая беда. Беда, от которой немеют ноги, опускаются руки и сжимается сердце. Пожалуй, чуть ли не впервые она не была связана с научным поиском и с бюрократическими препонами. Пусть еще не была понятна истинная причина, а голова просто разламывалась от необходимости вылезти из своего убежища и от невозможности делать это без смертельного риска для жизни.

Прямо сейчас от ее жизни зависели жизни ее малолетних детей: очаровательного шестилетнего Гюи и милой двухлетней Иветты. То, что в своей реальной жизни у Надежды Константиновны детей не было, все воспринималось как самое что ни на есть настоящее.

Она внимательно посмотрела на свое изящное молодое тело и тонкие белые руки бывшей маркизы и супруги роялиста. Тело и руки были как прежде, разве что, более бледные, но вот грязные лохмотья, в которые превратилась ее одежда, да нерасчесанные лохмы волос могли расстроить любую женщину.

Но сейчас ее больше расстраивала обстановка на улице, где шныряли мрачные личности, разнузданная вооруженная пиками и саблями пьяная чернь и вконец потерянные в духе царящего повсюду разрушения и террора граждане. Злобные от голода женщины предместий толпились в очередях у закрытых еще полуразгромленных булочных, щеголяя друг перед другом своими трехцветными лохмотьями. Никто не знал, кого поглотит революция завтра. Пара унций порционного хлеба была неважной заменой равенству и братству. Добрая половина из четырехсот депутатов Конвента не ночевала дома, опасаясь загреметь в тюрьму, откуда, как понимал каждый, можно вернуться только прокатившись мимо статуи Свободы в позорной телеге, стоя в толпе таких же несчастных и напялив красную рубаху со зловещим глубоким вырезом. Депутаты были рабами, обитавшими в постоянном животном страхе. Ведь после принятия ими декрета от 10 июня 1794 года обвиняемые лишались права на защиту.

Завидев коротко остриженные волосы осужденных в грохочущей телеге, одни горожане лихорадочно захлопывали окна своих убогих комнатенок, а другие радостно подсакивали вверх, крича нечто вроде "кто не скачет – тот роялист". Недалеко от мраморного подножия статуи Свободы ворочался окровавленный нож гильотины, верша правосудие как бы от имени народа, а на самом деле – Робеспьера, этого оскаленного призрака Революции, давшего всем власть одинаково убивать всех без разбора, не исключая и самих себя. Над всем таким страшным и одновременно убогим Парижем витал один немой вопрос: кого еще поглотит Революция завтра?

Когда Бастилия была покинута гарнизоном и захвачена, деспотизм, который есть не более чем пугало для рабов, казалось, пал вместе с нею. У французского народа не было добрых нравов, но он отличался пылкостью. Любовь к свободе вырвалась наружу, и слабость породила жестокость. Особо пылкие представители народа насаживали на пики головы особ самых ненавистных, пили их кровь, вырывали их сердца и пожирали их.

Через двести лет тем же самым займутся революционеры Камбоджи, творчески разнообразив орудия убийства мотыгами, а меню – печенью. Начинаясь обычно с, казалось бы, пустяков, революция быстро крепнет и всегда ненасытна. Особенно, когда в ней участвуют настоящие затаенники с жестокими и бредовыми насмешками. Они связывают попарно нагих мужчин и женщин и медленно, с хохотом, сталкивают их в воду. В переполненных связанными пленными лодках пробивают днища, и те тонут вместе с людьми, получив веселое название республиканских свадеб и республиканских крестин. Связывая колючей проволокой руки и ноги, сталкивают с баржи в воду, топят целыми баржами... почему-то в Волге. Расстреливают из пулеметов...

Нет-нет! Последнее не из этой "оперы". Надежда Константиновна тряхнула головой – колючая проволока и баржи растворились в окутавшем ее больную голову тумане. Да и какая она Надежда Константиновна – теперь она Люси де Брюен, чей род маркизов издавна был наследственным приором древнего монастыря кордельеров. Вот уже полгода она вместе с детьми скрывается в тайнике своего бывшего дома, опустевшего после разбежавшейся прислуги. Длинный извилистый коридор из узкой

стрельчатой комнаты с ромбовидным окном для скудного света и воздуха где-то наверху и миниатюрным колодцем с журчащей в глубине водой. В полу люк со щеколдой в погреб, где хранятся припасы и вино. В конце коридора массивная железная дверь, выходящая в темный проулок, по которому можно незаметно выбраться в город.

Сейчас ее муж, большой Гюи, сражается с республиканцами в армии графа Артуа. Сражается, как это не смешно звучит, тоже за свободу. Люси отправила ему на всякий случай запасной ключ от тайника, где находится она с детьми, с их верным старым камердинером и письмо. А сейчас у детей износилось последнее белье. Крошка Иветта пока еще могла спать, но изведенный укусами клопов и вшей маленький Гюи требовал у Люси свежей рубашки. Люси не могла отказать. Она напялила простенькое платье поденщицы и грубые башмаки. Прихватила большую корзину. Так она может незаметно проскользнуть в свой брошенный и опустошенный бывший дом с другой стороны и взять необходимое, если его еще не разворовали во имя равенства и братства революционные массы.

Люси без проблем добралась до своего дома, на улице никто не обратил на нее внимания. Найдя кладовку нетронутой, стала укладывать в корзину белье. Она давно не видела столько чистого белья. Наверное, такие же чувства испытывает кладоискатель перед лицом предмета своих исканий. Вот платица для Иветты, вот рубашки и штанишки для Гюи. Полотенца и простыни тоже будут весьма кстати. Люси с удовольствием вдохнула основательно забытый запах свежести, который не смогла перебить общая затхлость брошенного дома. А вот и увесистые куски мыла, которого так не хватало им уже несколько недель.

Наконец, все готово, можно уходить. Люси только берется за ручку двери на лестницу, как дверь сама распаивается ей навстречу, и комнату, топоча драными опорками, заполняют мрачные грязные и длинноволосые оборванцы в красных революционных колпаках, вооруженные сверкающими пиками.

– Вот она! Попалась! – торжествующе орет хромой нечесаный мужик со шрамом от уха до уха, делающим его похожим на Буратино.

Его грязные спутанные волосы не дают возможности понять свой изначальный цвет. А эти колючие зеленые глаза Люси уже однажды

видела где-то. Впрочем, она отметила их всего полчаса назад, когда уверенно входила в свое бывшее жилище. Перед парадным подъездом тогда сидел нищий, погрузивший лицо в мешок с каким-то хламом. Он-то и одарил Люси точно таким же колючим взглядом зеленых глаз, сверкнувших над краем выцветшей дырявой мешковины. Теперь "Буратино", опознавший маркизу по красивой прямой фигуре и уверенной походке и вовремя успевший слетать за революционным патрулем, предвкушал похвалу за бдительность:

– Допрыгалась, ваше сиятельство? Посияешь теперь на суде Революции!

Онемевшую от неожиданности происходящего Люси арестовали и, грубо связав толстой веревкой тонкие белые руки, поволокли вниз по лестнице, распевая Марсельезу. Радостный "Буратино" сыпался впереди всех, перепрыгивая через две ступеньки. Вылетая из подъезда, он ловко подвернулся под лошадей проезжавшего мимо экипажа и, получив подкованным копытом в грудь, захрипел и, подавившись хлынувшей изо рта кровью, тотчас издох под наехавшим на шею колесом.

Люси не испытала никакого злорадства от только что полученной "Буратино" хоть и неожиданной, но все же заслуженной награды. У нее была хоть доля сочувствия. Напротив, революционеры в красных колпаках, казалось, вообще не испытывали никаких чувств к погибшему доносчику и, не обратив на случившееся ровно никакого внимания, бодро зашагали со своей жертвой до революционной тюрьмы. Веревку нещадно дергали, руки горели, ноги подворачивались, но Люси думала только о верной голодной смерти, грозящей детям. Конечно, хорошо, что ее не обыскали и не нашли ключ от тайника, но как это поможет? Когда сможет найти их ее муж, большой Гюи. А без него никто не найдет вход в тот тайник. Будучи запертыми, дети не найдут ни питья, ни еды и погибнут, тихие и покорные, как покинутые птенцы. Она поняла, что погибла и погубила детей. Больше о себе Люси не думала.

В тюрьме, куда ее приволокли, Люси попробовала заговорить с сокамерницами о своей невыносимой муке. Но кроме животного ужаса и столь неуместной, как ей казалось, игры в любовь эти безумевшие создания ни на что не были сейчас способны. Никто, никто в целом Париже не мог помочь Люси и ее детям. Кому и куда передать ключ?

Когда ее потащили на суд, разумеется, самый справедливый революционный суд во всем мире, она не могла думать ни о чем, кроме заточенных в тайнике детях. Типовой приговор о заслуженной ею одним своим происхождением казни, писанный по революционному шаблону, который она не раз уже где-то слышала, не заставил себя ждать. Люси рассеянно-выслушала его и ничему услышанному уже не удивилась. Всю ночь перед казнью она просидела с мыслью, кому передать ключ и доверить свою тайну. Кому же?

Под утро ей пригрезилась та каморка, где спит с кроткой улыбкой ангела так похожая на Люси и разметавшая свои красивые волосы малышка Иветта. Чернокудрый розовый Гюи, маленький строгий мужчина, лежит, нахмурившись на двух продавленных креслах и сквозь сон шепчет:

– Мама, мама! Когда же ты принесешь мне рубашку?

По телу Люси пробегает сильная дрожь. Дрожь усиливается, тело бьется в конвульсиях, сердце готово то выпрыгнуть из груди, то остановиться. Она пытается справиться со своим состоянием, пытаясь сопоставить сердечные удары с мышечными конвульсиями. Не удастся. Сердце постоянно вырывается, темп его биения все время меняется. Но вот сердце и мышечные сокращения совпали. Потом еще. И еще. Люси чувствует наполнение всего тела энергией. Получилось! Тут она с облегчением ощущает во всем теле странную, но смутно знакомую легкость. И только сейчас осознает, что, оказывается, давно парит над городом, находясь, как в коконе, в струящемся сверху слабом голубом сиянии, и запросто проходит сквозь стены и крыши. Наверное, точно так выходил из своего измученного тюремщиками тела Странник по звездам Джека Лондона, которого она так любила читать когда-то...

Но нет, какой Джек Лондон? Разве Люси Брюен могла его читать?

Возникшее на миг раздвоение сознания происходит также быстро, как появилось. Со слезами на глазах Люси покидает тайник со спящими детьми и летит сквозь темную ночь по Парижу. Цель полета сначала ей непонятна, но вдруг она видит большого Гюи, который что-то делает на поле, устланном мертвыми телами. И здесь ужас и смерть. Смерть и ужас.

Люси разворачивается и стремительно летит назад сквозь звездную ночь в свое временное

и столь ненадежное убежище, в городскую тюрьму. Там уже утро, и ее ждут ежедневные теперь парижские революционные процедуры.

Еще только разгорается очередной душный августовский день, узников грузят в фургон, сооруженный на телеге. Не дающий прохлады слабый утренний ветерок вяло шевелит пыльную листву в соседнем парке. Ведомый парой дохлых коммунальных кляч черный фургон осужденных на смерть угрюмо тащится по кривой брусчатке мостовой сквозь собравшуюся на очередное революционное представление толпу горожан. Молчание в телеге и молчание в толпе сталкиваются и гибнут в поднимающемся глухом ропоте в колышущемся море голов.

В зарешеченном пространстве фургона царит настоящее равенство. И даже какое-то братство. Не говоря уже о вездесущей революционной свободе.

Равенство перед смертью. Братство общей доли. Свобода проехаться в черном "воронке" по Парижу. Свобода увидеть в конце скорбного пути статую Свободы. Кто же эти свободные люди, едущие с тобой к свободе, равенству и братству?

Вот революционный генерал, к своему несчастью однажды проигравший сражение превосходящим силам противника. Вот прачка, однажды осмелившаяся постирать белье для аристократов. Вот сапожник, заступившийся за соседа, когда того пришли арестовывать революционные оборванцы, и высказавшийся не по-французски. Вот работающий крестьянин, прогнавший записных пьяниц, которые пришли описывать его имущество для передачи в колхоз. Нет-нет, опять не то, не из того времени. Но как, однако, все похоже...

А вот старенький седенький инвалид на костылях, получивший когда-то за свои давние подвиги орден Святого Людовика. Вот веселая даже сейчас и грешная деваха, посещавшая Пале-Рояль в качестве гризетки. Вот спившийся старый солдат, непочтительно плюнувший не в ту сторону, в которую всем бы хотелось. Вот врач, однажды перевязавший раненного роялиста. Вот пара обычных горожан, не вовремя подвернувшихся ночью революционному патрулю. Вот художник, на картине которого увидели Бастилию. Вот ювелир, в лавке которого когда-то отоваривались богатые горожане. Вот пьяница, во хмелю пославший в "пешее эротическое путешествие" самого Робеспьера. Вот девчонка, случайно улыбнувшаяся при сообщении о смерти

кровавого Марата. И вот Люси, маркиза с красивыми белыми руками и обреченными детьми в закрытом тайнике в бывшем доме.

Люси ничего не видит и не слышит. Ей все равно...

– Так что с ключом будем делать? – Люси вздрогнула от странного вопроса, заданного бодро повернувшимся к ней кавалером ордена Святого Людовика. – Времени совсем мало.

Люси взглянула на него и обмерла.

– Маркиз, – ахнула она, узнав. – Милый Маркиз!

– Не о том думаешь, дочка, – процедил немногословный Маркиз и снова превратился в дряхлого инвалида, оставив Люси наедине со своим несчастьем.

Спутники, поглощенные каждый своим горем, казалось, ничего не замечают. Люси вспомнила свое видение большого Гюи и вдруг поняла, что он недалеко, он будет в Париже. Она еще сможет его предупредить. Правда, пока не знает, как. Но теперь сделает это обязательно.

Скорбная телега поравнялась со знакомым Люси фонтаном с небольшим бассейном вокруг. Рядом аккуратно подстриженный английский сквер, в котором неподвижно и печально сидят оборванные, восковые от голода дети. Люси гибким и стремительным движением забрасывает ключ в бассейн и даже успевает увидеть, как он, сверкнув в солнечных лучах, "глюкнул" в мутную грязную воду.

Желтые солнечные зайчики дрожат улыбкой на строгом и прекрасном лице бронзовой статуи Свободы в античном одеянии и фригийской шапке. В то утро она стоит, точно задумавшись, на мраморном пьедестале над площадью Революции. Наконец, черный фургон, водруженный на телегу с узниками, доезжает до Свободы. У подножия статуи, в центре площади нелепым обрубком торчит видимый издали эшафот о десяти ступенек и с двумя столбами, меж которых блестит сверкающий тупоуродливый нож гильотины.

– Свобода, свобода! Сколько преступлений совершилось во имя твое, – с глубоким вздохом бормочет все еще браваый подтянутый генерал и чуть не падает от грубого толчка охранника в спину. Выпрямившись, он через ступеньку взбегает на эшафот, падает на одно колено и с мучительным надрывом кричит:

– Передайте товарищу Сталину...

Крик обрывается с торопливым хрястком ударом сабли "эшафотного шпрыхсталмейстера",

чуть ли не до половины разрубившим туловище старого генерала.

Тело торопливо сталкивают на мостовую.

– Боже, откуда здесь товарищ Сталин? – устало думает Люси и готовится к своему выходу на "сцену".

Повозку разгружают прямо под ноги Свободе. Приговоренных тащат вверх, к небу. Над куполом ближайшего храма Люси видит метнувшуюся вбок белую стаю голубей. С высоты десяти ступенек видно колышущееся море голов и блестящие в лучах утреннего солнца штыки революционных солдат.

Люси слышит свое имя. Ее грубо хватают под руки. Тащат. С брызжущей дерьмом класовой ненавистью зачитывают какой-то бред. Когда ее кладут на широкую длинную доску, она привычным и совсем детским движением, точно перед входом в прохладную воду пруда, быстро и застенчиво крестится и, бросив мимолетный взгляд на толстые в рыжих веснушках пальцы палача, вместо бормотания скоротечной молитвы спрашивает:

– А это не очень больно?

Впрочем, она и не собирается слышать ответ тупо ухмыльнувшегося мастера своего дела, а до боли рельефно вызывает в своем воображении ясные – можно до них дотронуться – образы детей... Беспощадная доска стремительно выдвигается вперед под нож гильотины. Фиксация линией удара. Свист летящего вниз десятипудового лезвия...

Казалось, сильный удар плети ожег плечи и шею. Площадь повернулась, пробежав по кругу, но прежде, чем исчезнуть в подставленной большой корзине, Люси успевает заметить, как в корчах блюет, смешно выпучив глаза, присевший было из любопытства на ступеньку эшафота молодой горбоносый парень в грязно-зеленом жилете и красном революционном колпаке.

– Совсем как в набоковском "Приглашении на казнь", – пролетает вовсе уж неожиданная мысль в угасающем свете августовского утра.

Но это опять не ее мысль...

А у нее, той, что только что была Люси де Брюен, вдруг с треском на миллионы звучащих и алых кусков разрывается и падает небо. Люси чувствует вихрь, подхвативший и унесший ее в пронзительно голубое небо из этой мерзкой неудобной корзины над широкой золотистой рекой.

Потом – точно на киноленте – то ли в несколько мгновений, то ли в течение нескольких лет

проносится в обратном порядке вся ее недолгая жизнь.

– Боже, откуда тут кинолента? – Но вот ее венчание в белой фате, в которой она точно цветущая яблоня. А вот интимный вечер в Трианоне с изображающими пастушек королевой и фрейлинами, где она познакомилась с Гюи. Вот монастырь, где прошли ее девичьи грезы. Вот она как большая кукла в розовом платье и с синим бантом. Вот богатая с тяжелым пурпурным балдахинном комната, где она, новорожденная Люсиль, появилась на свет.

От красного копошащегося комочка на постельке с вышитыми гербами тянется уходящая вверх серебряная нить. Но в этом месте что-то идет не так. Кто-то прекрасный и крылатый, в одежде из золотых молний и голубых солнечных лучей блестящим мечом пересекает нить жизни. Это был Он, успевает понять Люси, и тут же черная непроглядная тьма и Безглазое тихо поглощают ее, унося вдаль...

Нет, мне туда не надо. Назад! – хочет закричать изо всех сил Люси, но не понимает, удалось ли извлечь из горла хотя бы звук.

– Давай, давай, девочка! Улица парижская, есть у нас еще здесь дела, – доносится до нее знакомый далекий голос.

Узкий лунный серп побледнел среди звезд над площадью Свободы, когда Люси как будто пришла в себя и вновь получила возможность различать окружающее. Нет, она будто проявилась на площади из другого, еще не вполне осознанного ею, мира.

Ночная площадь пуста. Две фигуры засыпают песком лужи крови. У края эшафота копошится кто-то над телами казненных.

И вот среди них... Среди них она с трепетом видит себя. Все, что осталось от оставленной ею земной оболочки. свое спокойное и белое как мрамор прекрасное лицо среди других лиц в корзине. Ее лицо почти не изменилось. Она видит его сквозь другие лица, затылки, волосы. Только вот шея... Ее шея не заканчивается туловищем. Тело лежит неподалеку, на месте головы торчат какие-то трубки с последними черными сгустками застывшей крови.

– Значит, я умерла! – с тоской и страхом понимает Люси при виде всего этого ужаса.

Но очередная мысль о муже и детях вытесняет глупые и ненужные теперь мысли о смерти. К своей неопишуемой радости Люси убеждается, что теперь может легким усилием воли перемещаться куда ей вздумается, проходя сквозь

любые препятствия. Теперь она скользит точно призрак по прохладе ночного воздуха. Да она и есть призрак. Призрак, летящий во мраке ночи над Парижем.

Люси полетела к голодавшим уже трое суток детям. Ослабевшая и бледная от слез Иветта и буквально постаревший осунувшийся маленький Гюи были немедленно заключены в ее объятия, но дети не чувствовали ее рук и не слышали ее голоса:

– Иветта, Гюи, это я, мама...

Тело Люси легко проходило сквозь тела детей также, как и через стены тайника. Тем временем, изнемогающий от напряжения маленький Гюи в который уже раз пытался приподнять крышку люка погреба с припасами, и Люси никак не могла ему помочь.

– Зачем тогда все? Зачем мне эта способность быть призраком там, где ничего нельзя изменить? – в отчаянии заметалась Люси по такой близкой и одновременно недоступной для нее камерке с детьми.

– Зачем мне видеть, как они умирают? Господи, за что мне это?

– Сосредоточься, должен же быть какой-то выход, – откуда-то прорывался сквозь панические мысли второй, здравый голос рассудка. – Вспомни системный анализ, прислушайся к логике, включи интуицию, наконец.

– Боже, кто это говорит? – успела сама себе удивиться Люси.

Ее накрыла волна высочайшего напряжения, порожденного всей великой, величайшей, самой великой во Вселенной силой любви к своим детям. Призрачный мир с той стороны на миг задрожал, став осязаемым, в потоке хлынувших отовсюду золотых струй. И Люси начала тихо шептать на ухо Гюи:

– Отверни щеколду, мой милый мальчик, и ты войдешь в погреб. Отрежь ветчины и зачерпни в соседней комнате, где плита, ведром воды для Иветты. Папа скоро придет...

Теперь Люси была уверена в том, что маленький Гюи ее слышит. И точно знала, что большой Гюи обязательно придет. Откуда? – Сейчас это неважно. Это знание просто появилось в ее голове.

Мальчик, повинувшись вошедшей в него мысли, отвернул щеколду и сбежал вниз по ступеням...

– Уфф! – перевела дух Люси, но не отпустила открытое для себя новое состояние.

Оставив детей, она уже стремительно летела к грязному бассейну в безлюдном английском

сквере. Она еще не понимала зачем, но знала, что именно сейчас должна быть именно там.

Лишь сторбленная фигурка подвыпившего старого нищего огибала фонтан с бассейном, направляясь в свою каморку. Бывший отец-привратник в монастыре кордильеров брел домой, вспоминая прошлую жизнь, где у него вместо нынешней совершенно замечательной, необыкновенной и теперь уж, пожалуй, незабываемой свободы, равенства и братства были кров, уют и уважение.

– Да-а. Было время... – погрузился он в блаженные воспоминания.

И тут волна нахлынувшего на него беспричинного и необъяснимого ужаса пригнула к мостовой и свела дрожью колченогие колени. У фонтана, подрагивая на легком ночном ветерке, светился голубоватый силуэт молодой женщины с кровавой полосой на шее. Женщина повелительным жестом указала на водоем, и тотчас в голове нищего огненными словами возникли слова: "Тут в воде ключ. Это ключ от моего тайника. Вынь и снеси на улицу Вожирар, 22, сторожу морга Шарпантье. Я – маркиза. Меня казнили, а там умирают мои дети!"

Привратник все понял и записал в свою память правильно. Не отрывая глаз от видения маркизы, нищий медленно снял с ног рваные опорки и без всякого стеснения перед женским призраком стал раздеваться.

А призрак снова в полете...

Найденный без чувств Гюи де Брюен был доставлен в дом, где он проживал по своей легенде. Находясь в полубреду, он был мучим странными видениями. Это прильнувшая к изголовью постели невидимая и горячо любящая Люси навевала ему:

– Пойми, пойми, милый! Вот высокие серые стены монастыря, вот его старый привратник

с ключом, – помнишь в Вандее ключ! – провожающим нас с детьми в темный погреб. Узкий подземный тайник. Помнишь его? Вот бледные, точно мертвые – Иветта и маленький Гюи. Смерть уже подбирается к ним. Ну же... – Люси умоляет, зовет, указывает, благословляет:

– К кордильерам. К кордильерам!

Гюи не понимает, где он, что с ним, кто это шепчет и откуда. Сквозь пелену замутненного взора и среди картин бреда к нему придвигается смутно знакомое старческое бритое лицо нищего-монаха. В руках монаха...

Маркиз де Брюен приходит в себя и с шумом откинутых покрывал и упавшей на пол железной кружки с водой садится в постели. Открыв глаза, он видит бывшего привратника монастыря кордильеров. В руках старика тот самый тройной итальянский ключ, который тогда в Вандее...

Люси понимает: дети спасены. Гора с плеч...

Сжимая в руке заветный ключ, маркиз де Брюен уже выбегает из дома...

Люси думает лететь за ним, но вставшая вокруг стена алого огня отрезает ей путь и, тотчас опав, открывает восседающего на своем троне-кресле Антона, а вокруг в креслах: Добродеева, Алису, Маркиза и Йозефа.

– Вы уже здесь, Маркиз? – не зная, что сказать, лепечет ошарашенная переходом в другую действительность Люси. Да нет – уже не Люси, а прежняя Надежда Константиновна Серосталева, совсем не маркиза, русская и не замужем и, главное, абсолютно живая. Во всяком случае, в тот момент ей так казалось.

– А вы неплохая мать, Надежда Константиновна!

– О чем вы, Антон. Ведь у меня нет детей.

– Так это в этой жизни нет, а в той, знать, были.

Надо будет исправить кое-что...

Росатом вложил в бизнес спутниковой связи

АО "Атомэнергпро姆" (компания, консолидирующая гражданские активы российской атомной отрасли) приобрело блокирующий пакет акций группы компаний "Амтел" – оператора спутниковой связи.

Документы о сделке были подписаны на полях Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ). Для Росатома приобретение доли в "Амтеле" – портфельная инвестиция, сделанная с прицелом на развитие бизнеса спутниковой связи.

"Амтел" – поставщик услуг, который может решать отраслевые задачи по обеспече-

нию доступа в интернет удаленных площадок, включая атомные стройки. При этом подчеркивается, что управление компанией останется прежним, заниматься операционным управлением Росатом не планирует. Приобретение доли в "Амтеле" положит начало созданию собственной телекоммуникационной инфраструктуры.

Группа компаний "Амтел" – один из ведущих операторов спутниковой связи в России, предоставляет телекоммуникационные услуги на базе VSAT-технологий. На рынке спутни-

ковой связи России с 2004 года. Группу компаний "Амтел" составляют АО "Амтел-связь", ЗАО "Дозор-телепорт" и ООО "Телинтел". Входит в тройку ведущих компаний России по количеству подключенных судов к VSAT. Использует мощности семи космических аппаратов (КА), что обеспечивает полное покрытие всей территории России (пять спутников ФГУП "Космическая связь", два КА АО "Газпром космические системы").

По информации ТАСС

interlight

RUSSIA

intelligent building

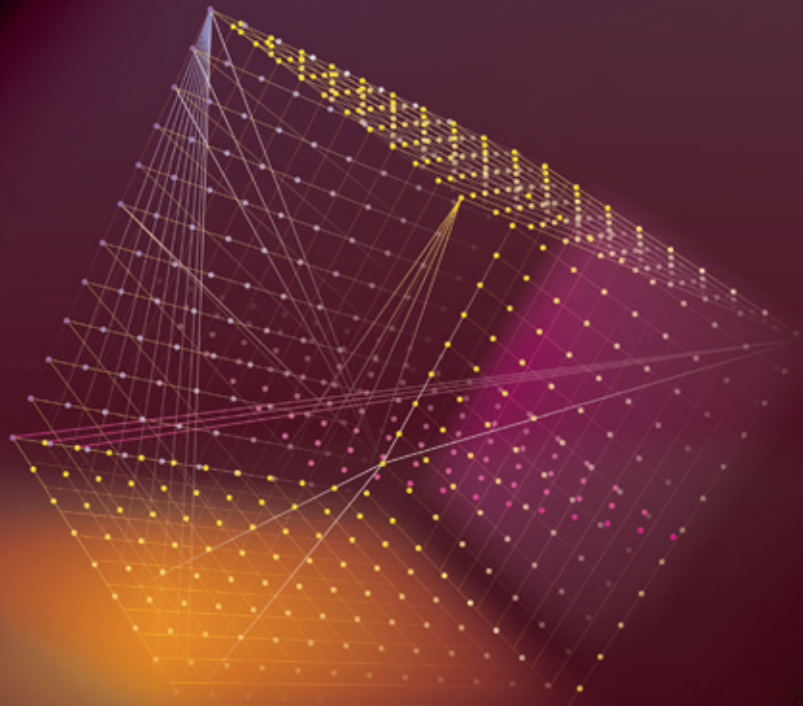
RUSSIA

19 – 22.09.2022

ЦВК «ЭКСПОЦЕНТР», МОСКВА

**Умная.
Светлая.
Стильная.**

Международная выставка
освещения, автоматизации зданий,
электротехники и систем
безопасности

Стоимость 2200 р. за номер
Периодичность: 10 номеров в год
www.electronics.ru

Стоимость 1450 р. за номер
Периодичность: 8 номеров в год
www.photonics.ru

Стоимость 1450 р. за номер
Периодичность: 6 номеров в год
www.j-analytics.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ

www.technosphera.ru

Стоимость 1300 р. за номер
Периодичность: 8 номеров в год
www.lastmile.ru

Стоимость 1300 р. за номер
Периодичность: 8 номеров в год
www.nanoindustry.ru

Стоимость 1800 р. за номер
Периодичность: 4 номера в год
www.stankoinstrument.ru